

Митрофанов

АЛЕКСЕЙ

МИТРОФАНОВ

**ТЕЛО
МИЛОСОВИЧА**

{ р о м а н }

Алексей Митрофанов

Тело Милосовича

«Центрполиграф»

2013

Митрофанов А. В.

Тело Милосовича / А. В. Митрофанов — «Центрполиграф»,
2013

Депутат Филатов в составе российской парламентской делегации прибывает в Белград на похороны бывшего президента Сербии. Он обращает внимание на то, что Слободана Милосовича хоронят в закрытом гробу, и задает недоуменные вопросы организаторам траурной церемонии. Филатова тут же начинают опекать местные спецслужбы, его всюду сопровождает замминистра внутренних дел. Интрига выходит на новый виток, когда в самолет, вылетающий в Москву, грузят похожий дорогой гроб... Филатов берется за собственное расследование, входит в контакт с самыми неожиданными людьми, обращается к ясновидящей, внедряет в семью Милосовичей свою красавицу секретаршу. Он подозревает, что старый садовник на даче, где проживает семья экс-вождя, и есть сам Милосович.

© Митрофанов А. В., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	5
ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	8
ГЛАВА III	12
ГЛАВА IV	14
ГЛАВА V	20
ГЛАВА VI	23
ГЛАВА VII	25
ГЛАВА VIII	26
ГЛАВА IX	28
ГЛАВА X	30
ГЛАВА XI	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

А. Митрофанов

Тело Милосовича

Светлой памяти моего друга Борислава Милошевича, на похороны которого я не приехал

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Филатов _____ депутат Государственной думы

Слободан Милосович _____ бывший лидер Сербии

Мира _____ жена Слободана

Марко _____ сын Слободана

Лио Бакерия _____ кардиохирург

Алексей Малага _____ бальзамировщик

Настя _____ секретарь Филатова

депутаты Государственной думы политики Сербии чиновники Гаагского трибунала
начальник таможни журналисты ясновидящая клерки похоронного бюро работники спецслужб
коллекционеры албанская мафия

ГЛАВА I

СМЕРТЬ В ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЕ

Хаас ван Хален откинулся на спинку офисного кресла, положил ноги на стол и плотнее прижал мобильный телефон к уху. – Ты хочешь, чтобы я разделась или оставалась одетой? – спросил воркующий женский голос в трубке.

Хаас заерзал. Воркование было ненатуральным, слишком энергичным и даже торопливым. Однако сейчас он проигнорировал побочные эмоции. Ван Хален давно познал толк в сексе по телефону. Здесь можно было позволить себе гораздо больше, пусть даже и в фантазиях...

Прошло не менее получаса.

В каптерку через дверное стекло заглянул начальник смены Ян Вермер, худой и длинный мужчина лет тридцати, с недовольным выражением лица. Увидев, что ван Хален разговаривает по телефону со странной полуулыбкой на лице и блуждающим взглядом, он постучал ключом по стеклу и указал глазами на мониторы над столом. На них камеры наблюдения транслировали изображения из нескольких камер. За заключенными в них Хаасу ван Халену и полагалось следить, время от времени совершая обходы. Ван Хален покосился на мониторы и кивнул. Он не очень боялся Яна Вермера. Они были старыми приятелями еще со школы. Собственно, тот его и устроил на эту хорошо оплачиваемую и необременительную работу. Но порядок есть порядок.

– Я тебе перезвоню, – сказал он в трубку и нажал отбой.

Он опустил ноги и придвинулся к мониторам. Заключенные в четырех камерах спали. Согласно тюремным правилам свет там был приглушен, но не выключен. На экранах отчетливо были видны силуэты на узких тюремных кроватях. Все лежали на боку, кто на правом, кто на левом. В пятой камере заключенный сидел за столом и что-то писал. Готовился к процессу. В шестой – сидел на кровати, понутив голову, и потирал виски. Ван Хален задержал на нем взгляд. «Похоже, этот себя чувствует неважнецки, – подумал он. – Или приснилось чего?» Заключенных полагалось знать по именам, но ван Хален никак не мог запомнить эти чудные славянские фамилии, а смотреть в журнал было лень. К тому же этого он недолюбливал за то, что тот вечно отстаивал свои права, добавляя охранникам головной боли. То ему не так, это не эдак! И заключенный отвечал ему взаимностью.

Ван Хален некоторое время раздумывал, не направить ли к нему тюремного доктора – все-таки тот был очень важной фигурой по тюремной иерархии узников. Хотя вроде об этом не просит? Но мало ли.

Он снял трубку внутреннего телефона и набрал номер дежурного доктора. Доктор Клаус не ответил. «Где его носит, козла старого?» – раздраженно подумал охранник. Ему не терпелось вернуться к более приятному занятию. Ян Вермер уже пошел дальше. Хаас бросил трубку и опять потянулся к мобильному.

Ночь пролетела для ван Халена незаметно. Девка по телефону ко многим его фантазиям добавила массу своих, и под конец он почувствовал себя таким могучим производителем, каким не был никогда.

Он вконец обессилен. Глаза закрывались сами собой. Даже не взглянув на мониторы, он положил голову на стол и уснул, хотя это и запрещалось.

Утром, едва продрав глаза, он понял, что что-то не так. Все заключенные еще спали, кроме одного, того, что сидел вчера вечером на кровати и потирал виски. Он лежал на полу, возле своей койки, и в неподвижности его была та пугающая окончательность, по которой

почти всегда можно сказать – человек умер. Щиколотка левой ноги у него была неестественно подвернута.

Ван Хален долго пялился на экран, чувствуя, что для него произошла катастрофа. Он все ждал, что заключенный пошевелится и встанет. Но тот не двигался. Охранник медленно снял трубку и вызвал начальника смены.

– У нас проблемы, – упавшим голосом произнес он.

– Какие? – вскинулся Ян Вермер.

– Кажется, один из них умер.

– Ч-черт бы тебя побрал, придурок! – взорвался тот, начав заикаться от негодования, что случилось с ним крайне редко. – Я же тебя предупреждал! Ничего не предпринимай, я сейчас буду!

Преисполнившись жалости к себе в предчувствии небывалой взбучки, Ван Хален втянул голову в плечи и взглянул на часы. Шесть тридцать утра, суббота, 11 марта 2006 года.

ГЛАВА II

ФИЛАТОВ УЗНАЕТ НОВОСТЬ

Депутат Александр Филатов проснулся в это утро поздно, около двенадцати. Домочадцев уже не было, разошлись по своим делам. Зевая, он направился в ванную, умылся и потянулся за бритвой. Потом взглянул на себя в зеркало и чертыхнулся.

– Совсем забыл, – пробормотал он.

Филатов не брился уже две недели. За это время щетина отросла, и стильная небритость превратилась в бороду, правда, в не совсем полноценную бороду, но уже в нечто на нее похожее. Некоторое время Филатов рассматривал свое отражение в зеркале, пытаясь понять, идет ему борода или нет, но единственное слово, которое по этому поводу вертелось в голове, было «прикольно», позаимствованное из лексикона сына. Он едва не произнес его вслух, однако вовремя спохватился. Не пристало ему переходить на подростковый сленг. Возможно, никакие другие слова не пришли в голову еще и потому, что вчера Филатов очень нескучно провел время в ночном клубе и сегодня голова была малость тяжеловата.

Только он выпил кофе, как запиликал мобильник.

– Я подъехал, – сказал водитель.

– Хорошо.

Суббота была законным выходным, и Филатов имел полное право остаться дома, но скопились кое-какие срочные дела в Думе и он собирался немного поработать.

Он оделся в обычном темпе, слегка задержавшись лишь с выбором галстука. Ему пришла в голову мысль, что галстук теперь надо было бы выбирать не только с учетом цвета рубашки, но и с оглядкой на бороду. Поросль была густой и черной, но уже с несколькими седыми волосками на скулах. «Ничего так борода, – подумал Филатов. – Вполне себе». Он все еще не мог подыскать для нее подходящее определение. Зато ему подумалось, что, когда борода сделается длинной, как у музыкантов группы «ZZ Top», например, галстук ста нет ему совсем не нужен, потому что его и видно-то не будет из-под бороды. «Я стану самым длиннобородым депутатом в Думе, – начал фантазировать он. – И меня все будут узнавать по одной только этой примете».

Потом он решил, что ему это не очень-то и надо. Его и без бороды узнавали издали. Филатову грех было жаловаться на отсутствие популярности. Из всех депутатов Думы он был одним из самых узнаваемых, входил в число тех восьми—десяти человек, что всегда на виду и на слуху.

Филатов любил и умел эпатировать публику метким суждением или неожиданной шуткой, порой балансировавшей на грани приличий, но никогда не переходившей за них. И за это умение ему воздавалось сторицей. Его помнили и радушно встречали, где бы он ни появлялся.

Он решил пока не учитывать цвет бороды и выбрал агрессивный красный галстук.

Едва он устроился в машине на заднем сиденье справа, как опять зазвонил телефон. В этот раз звонок был другой – не легкомысленное треньканье, а солидный низкий и напористый паровозный гудок.

Этот сигнал Филатов присвоил только одному абоненту – Вождю, главе и бессменному лидеру партии, в которой он состоял. Гудок подходил тому наилучшим образом.

Вождь и сам частенько напоминал мчавшийся на всех парах паровоз, перед которым по обе стороны дороги замирает все живое, чтобы не угодить под колеса. Когда Вождь произносил экспромтом на митингах свои длинные речи, Филатову всегда казалось, что стоит только тому взмахнуть рукой – и толпа пойдет за ним, куда бы он ее ни позвал. Однако Вождь никогда никуда ее не звал, все митинги заканчивались чинно и мирно, а наэлектризованная толпа находила выход энергии в выражении любви к Вождю. Он сходил со сцены, все устремлялись

к нему, чтобы пожать руку, взять автограф или сфотографироваться. Вождь никому не отказывал в общении: расписывался на проездных в метро, фотографировался в обнимку с молодежью и пожимал руки млеющим от счастья рядовым сторонникам партии. Охрана, конечно, оттирала от него толпу, но как-то не активно, не так, как охрана других политических лидеров. При желании к Вождю всегда можно было прорваться и обратить на себя его внимание.

Филатов не знал больше никого, кто так мастерски выступал бы на митингах. Он видел многих, но все они были лишь бледной тенью Вождя, который мог говорить словно Фидель в его лучшие годы – часами. Вождь рассуждал об известных всем фактах, но его речам внимали, словно откровениям. Глядя на него, Филатов понял, что важно не что говорить, а как говорить. Важна харизма и ощущение внутренней силы оратора. Нужно показать толпе, что ты точно знаешь, что делать и как делать. Никаких сомнений на этот счет у тебя нет и быть не может. Тогда тебя всегда будут принимать словно мессию.

– Новость слышал? – спросил Вождь после приветствия.

– Еще нет, – ответил Филатов, мысленно ругая себя за то, что до сих пор не приобрел привычки слушать радио за завтраком.

На кухне у него имелись и приемник, и телевизор, но включать их никогда не хотелось. Новости за завтраком обладали одной скверной особенностью – начисто отбивали вкус у пищи, и потом нельзя было вспомнить, что ты ел и пил. Более того, уже во время еды становилось непонятно, что ешь. И хорошо бы еще, если бы новости были стоящими, ради которых можно и забыть о еде, так нет же – по большей части это бывала унылая и ничего не значащая лабуда. Нет, не стоило ради них жертвовать восприятием завтрака.

– Слободан Милосович умер! – сообщил Вождь.

Чувствовалось, что он доволен тем, что первым принес эту новость Филатову.

– Как умер? – опешил тот от неожиданности. – Где?

Смерть известных людей поражает всегда, но смерть руководителей государств – нечто особенное. В самом деле, это трудно принять. Только что человек руководил страной и влиял, может быть, на судьбы мира, а тут раз – и преставился, оказался равным простым смертным. Раньше же казалось, что если он и умрет когда-нибудь, то далеко не сейчас, ибо защищен своим положением от всего, что мучает остальных людей – от неурядиц, неудач и даже болезней. А оказывается – нет. Это и удивляет больше всего. Зачем же тогда было добиваться столь высокого положения, если конец все равно один?

– В Гааге, – сообщил Вождь после паузы, – в трибунале.

– От чего?

– Сердечный приступ.

– Уморили-таки, – резюмировал Филатов.

– Довели до смерти, – согласился Вождь, – это как минимум. Так что готовься к командировке.

– Куда? В Гаагу? – не понял Филатов.

Ему показалось, что после смерти столь значительного человека непременно должно состояться международное расследование, которое от этого чертового трибунала камня на камне не оставит.

– В Белград на похороны, – охладил его Вождь.

– Почему я, а не вы? – удивился Филатов.

– Я не смогу, – ответил Вождь, – простудился где-то, никак не пойму, то ли свалюсь от гриппа, то ли нет. На автопилоте сейчас работаю. Так что придется тебе.

– Ладно, – не стал спорить Филатов.

– Думаю, ты справишься, – подвел итог Вождь.

– Постараюсь, – скромно ответил Филатов.

Только много позже Филатов понял, что на этих похоронах будет много такого, с чем ему справиться не удастся. По крайней мере, с первого раза. Но тогда он пребывал в твердой уверенности, что миссия предстоит самая простая – приехал, сказал речь, проводил Слободана в последний путь, отбыл домой. На самом деле судьба замыслила все иначе.

Позже в этот же день он заглянул в кабинет Вождя. Госдума гудела от сенсационной новости. Народ в ней был, хоть и в гораздо меньшем количестве, чем в будние дни.

– Что же, мы так и оставим этот вопиющий случай? – с негодованием спрашивал Филатов.

– А что мы можем сделать? – пожал плечами Вождь. – Возмутительно, конечно, но распустить трибунал не в нашей власти. Его создал Совет Безопасности ООН с подачи НАТО. В НАТО рулят США, как, впрочем, и почти везде в мире. Создали трибунал для давления на Сербию и в целом на Европу – это ясно как божий день, хоть нигде официально и не говорится.

– Зачем им давить на Европу? Ведь это же их друзья.

– У США друзей нет, – убежденно ответил Вождь. – У них только конкуренты. Одни являются конкурентами сейчас, а другие станут конкурентами в будущем. Европа ввела в обращение евро и тем самым стала угрожать положению доллара как главной мировой резервной валюты. США не могут спокойно смотреть, как кто-то там посягает на их привилегии. Им надо иметь возможность влиять на соперника. Они нашли слабое место в Европе и вгрызлись в него.

– Да, Югославия, пожалуй, была одним из самых слабых мест, – согласился Филатов.

– Вся Восточная Европа – слабое место, а уж Балканы – в особенности, – сказал Вождь. – Мы из Восточной Европы ушли, они тут же там появились. Права человека – универсальное средство, чтобы вмешаться куда угодно.

– Значит, если бы не евро, Югославию не бомбили бы? – предположил Филатов.

– Нет. Ей дали бы возможность улаживать свои дела самой. Или влияли бы на нее по-другому. И Слободан, возможно, правил бы там до сих пор.

– Негодяи! – не сдержался Филатов.

– А чего еще хотеть от америкосов? – усмехнулся Вождь.

– Дума пошлет на похороны официальную делегацию?

Вождь на секунду задумался.

– Не знаю. Пока что даже место похорон не определено.

– Почему?

– Сербские власти, в угоду американцам, не хотят хоронить его с почестями и в достойном месте.

– Да?

– Да. Имидж Милосовича в глазах мирового сообщества уже утвердился. Из него сделали главного виноватого во всем. Этнические чистки свалили на него, гражданские войны – тоже. Оставалась последняя деталь – признать его военным преступником в трибунале. Но не удалось, не смогли ничего доказать. Посылать на похороны такого человека официальную делегацию российской Госдумы означало бы подвергнуться осуждению и критике со стороны «мирового сообщества». Наши сейчас на это не пойдут.

– А на что пойдут?

– Будут делегации от парламентских партий – это максимум. На большее рассчитывать не стоит.

– Какова же моя роль?

– Ну, мы всегда работали в контакте с Социалистической партией, которую Слободан возглавлял, все эти годы поддерживали сербов... Выступишь на траурном митинге, скажешь об этом. Подчеркнешь, что он был настоящим патриотом, а Сербия под его руководством десять лет мужественно противостояла давлению западного мира – сначала экономическим санкциям, потом военным действиям. Произошедшее – событие символическое: уходит целая

эпоха. Она давно уже ушла, но теперь, с его смертью, исчезает окончательно. Сербия никогда уже не будет прежней. И Слободан – символ минувшей эпохи.

Вождь замолчал. Некоторое время в кабинете стояла тишина.

– Когда вылетать? – спросил Филатов.

– Пока неизвестно. Но лучше приготовься заранее.

ГЛАВА III

ССОРА НАДЗИРАТЕЛЕЙ

Вечером 11 марта Ван Хален сдал смену и вышел из тюрьмы на улицу. Смерть этого серба спутала ему все планы. И почему только тот решил умереть именно в его смену?

Он достал сигареты и закурил. Утром ему пришлось изрядно поволноваться, и сейчас он переживал все заново.

– Как ты мог его проглядеть? – допрашивал его Ян Вермер, когда они оба стояли в камере над бездыханным телом.

Ван Хален, плохо соображая от недосыпа, тарачил на начальника слипающиеся глаза и молчал.

– Я тебя спрашиваю, кретин! – повысил тот голос.

Ван Хален понял, что нужно что-то говорить в свое оправдание, иначе он будет выглядеть полным идиотом. «Черт, – подумал он, – если бы не эта Агнесса в телефоне, я мог бы все заметить вовремя!» Но рассказать Вермеру про нее было нельзя. Он хоть и друг, но не поймет.

– Уснул, – брякнул он первое, что пришло в голову.

– Уснул? – взвился Вермер. – Ты, байстрюк негритянский, должен спать дома! У тебя ночная смена, какого хрена ты уснул?

Ван Хален вскинулся. Давно его так никто не называл. В его жилах действительно на четверть текла негритянская кровь. Он был смуглым и черноволосым, но чувствовал себя европейцем, потому что родился в Голландии и имел гражданство этой страны. Таких обид он обычно никому не спускал, но тут – особый случай. Он взял себя в руки.

– Дома не получилось, – соврал он. – Подруга заболела, пришлось вызывать врача, а потом ехать с ней в больницу.

Его подташнивало от страха потерять работу.

– Так это ты ей звонил? – спросил начальник.

Ван Хален вытер пот со лба и кивнул.

– Все хорошо? – ласково спросил Вермер.

Ван Хален не уловил приближения бури в его голосе.

– Да, хорошо. – Он глуповато улыбнулся.

– А заключенного ты прозевал, твою мать! – вдруг снова взвился начальник. – Уж лучше бы твоя подруга окочурилась!

– Не говори так! – обиделся охранник.

– А как о ней говорить? Да о ней бы и жалеть никто не стал, кроме тебя. А он был президентом. – Вермер кивнул на тело заключенного.

– Я этого не хотел.

Вермер пропустил его слова мимо ушей.

– Я вообще удивляюсь, что ты до сих пор здесь, – продолжал он, – а не собираешь собачье дерьмо на улице вместе со своими собратьями.

У Ван Халена заиграли желваки на скулах, но он опять сдержался.

– Ты представляешь, что сейчас начнется? – нажимал Вермер.

Ван Хален понурил голову и уныло кивнул.

– Это может стоить работы даже мне, а уж тебе – наверняка!

Ван Хален почувствовал противную слабость в коленях.

– Так я же... – стал он оправдываться. – Я с первого дня трибунала работаю и ни одного замечания...

Вермер презрительно скривился:

– Это ты не мне рассказывай. Были у тебя замечания, и не одно. Но теперь дело гораздо серьезнее.

Теперь пахнет международным скандалом, и я покрывать тебя не стану!

Горло у Ван Халена вдруг пересохло, и он долго откашливался.

– Не надо покрывать, – пролепетал он. – Ты только не подставляй.

– Это ты меня подставил, твою мать! И зачем только я протащил тебя на эту работу?

Вермера вдруг осенило. Он хлопнул себя ладонью по лбу.

– Слушай, а ты не нарочно ли это сделал? – спросил он.

– Что именно?

– Не вызвал к нему врача. Ведь у тебя были с ним какие-то трения? Ты его всегда недолюбливал, ведь так?

Ван Хален сглотнул слюну.

– Нет, – слабо возразил он.

– Да! – воскликнул Вермер. – Ты мне сам говорил! Теперь я понимаю, как все было, – развивал свою мысль Вермер. – Его прихватил приступ, а ты просто сидел и смотрел. Ты дал ему умереть!

Ван Хален от возмущения на несколько секунд потерял дар речи. Он понял, что нужно срочно осадить Вермера, иначе тот сделает его в этой истории крайним.

Он с ненавистью посмотрел на приятеля.

– Кажется мне, – начал он, – что тут не только во мне дело. Ведь он, – Ван Хален кивнул на тело, – уже давно жаловался на здоровье, разве нет? Что же вы не отпустили его на лечение, а держали здесь до последнего? Ждали, когда он сам умрет? Нечего на меня все валить и сочинять чего не было.

– Молчи, дурак! – зашипел Вермер. – Что ты в этом понимаешь? Это не твоего скудного ума дело. Брякни об этом хоть слово – и завтра же окажешься на улице, я тебе гарантирую. Пойдешь с черномазыми наркотой торговать.

Ван Хален опять сник под его яростным взглядом и замолчал.

– В общем, так, – резюмировал Вермер, – будут спрашивать – все отрицай: не видел, не заметил, не догадался. Разыгрывай из себя дебила. Впрочем, тебе для этого и стараться особо не нужно, у тебя все должно отлично получиться, – мстительно ухмыльнулся он.

В коридоре послышались шаги. К ним спешили тюремный врач и два санитаря, которых Вермер вызвал перед тем, как они зашли в камеру.

Ван Хален мысленно пообещал себе, что когда-нибудь припомнит Вермеру эти слова. Но если пронесет, то припоминать не будет.

Тело унесли в тюремный морг, он сдал смену и вышел на улицу. Отойдя уже довольно далеко от тюрьмы, сунул руку в карман, достал телефон, с сожалением повертел в руках и бросил в ближайшую урну. Эх, жаль... Телефон был новой модели и довольно дорогой. Пока Ван Хален держал его в руках, его душила жаба, но стоило только от него избавиться, как тут же стало легче.

«Пусть попробуют теперь доказать, что это именно я говорил с телефонной шлюхой, – подумал Ван Хален. – А Вермер не выдаст. Ведь и я тоже могу много чего рассказать и о нем самом, и о порядках в трибунале».

ГЛАВА IV

НЕУДАЧНОЕ ВСКРЫТИЕ

14 марта Лио Бакерия вылетел в Роттердам в сопровождении трех медиков из своей клиники. С ним были хирург, патологоанатом и кардиолог. Известие о смерти Слободана стало для Бакерии неожиданно-ожидаемым. По той информации, которая у него имелась, такое развитие болезни было вполне предсказуемым. Он надеялся, что все произойдет не так быстро, но жизнь в тюрьме ни на кого не действует благотворно. Да еще изматывающий многолетний судебный процесс, на котором Слободан взялся защищать себя сам. И это при том, что он имел возможность проводить на воздухе только один час в день. Такой образ жизни кого угодно доконает.

В тюрьме Слободан сильно сдал. От его молоджавости (лицо без единой морщинки), быстрых движений и молодцеватой осанки не осталось и следа. По телевизору изредка мелькали кадры из трибунала, на которых весь мир видел немолодого, измотанного без надежной борьбы с несправедливым судом мужчину. Два накачанных охранника, неизменно маячившие у него за спиной, выглядели издевательски на фоне его исхудалой фигуры. Хватило бы и одного, а если по уму, то они и вовсе были там не нужны.

В такие минуты Бакерия думал, что справедливо было бы подобные процессы ограничить по длительности. Не сумели за год, максимум за два доказать, что человек виновен, – до свидания, отпускайте. Вина как деньги – или она есть, или ее нет.

В ВИП-зале аэропорта Шереметьево он встретил Марко, сына Слободана. Марко летел забирать тело отца и выглядел подавленным.

Они обменялись рукопожатиями. Бакерия произнес слова соболезнования, ободряюще похлопал парня по плечу.

– Ведь они убили его, правда? – сказал Марко. – Вы докажете это?

– Не знаю, – осторожно ответил Бакерия. – Мне нужно провести вскрытие.

– Это убийство! – убежденно заявил Марко. – Я и так знаю. Столько лет продержат больного человека за решеткой!

Бакерия не разделял его уверенности, но не сомневался, что это было если и не убийство, то доведение до смерти путем неоказания помощи – наверняка. Ведь сколько раз российские власти на самом высоком уровне просили Гаагский трибунал отпустить Слободана Милосовича на лечение в Москву, в Центр сосудистой хирургии имени Бакулева. Предоставляли государственные гарантии его возвращения – не отпустили. Не поверили. И недоверие это было оскорбительным, с какой стороны ни посмотри.

«Заключенный получает всю необходимую помощь в трибунале», – отвечали чиновники. А какая там у них помощь? Врач общей практики и минимальное оборудование. Да и врач тот к своим обязанностям относился, как теперь видно, халатно. Впрочем, в этом предстоит еще разобраться. Бакерия был полон решимости дать голландским медикам бой и доказать, что они на самом деле гроша ломаного не стоят. Собственно, не так они, как их начальство, которое видело бедственное состояние заключенного и ничего не предпринимало.

Неужели не понимали, к чему это может привести? Или не хотели понимать? Ведь зачем им живой Слободан? Рано или поздно его пришлось бы выпускать. А как же тогда многолетняя экономическая блокада? Как же натовские бомбардировки? Позор на весь мир, да и только. Настал момент, когда мертвый заключенный устраивал их куда больше, чем живой.

– Так вы их порвете? – с надеждой спросил Марко.

– Какая уж теперь разница? – вопросом на вопрос ответил Бакерия. – Я сделаю все возможное, чтобы установить истину. Если бы ваш отец попал ко мне на лечение, он прожил бы еще долгие годы. А теперь – это все, что я могу сделать.

Бакерия не мог знать, что в Гааге даже это окажется ему не по силам.

К Марко устремились журналисты, каким-то образом проникшие в ВИП-зал, и Бакерия отошел в сторону, давая им возможность пообщаться. Марко дернулся в сторону, но сразу сообразил, что избежать встречи не удастся. До Бакерии донеслось несколько фраз.

– От чего умер ваш отец?

– Его убили.

– Вы рассержены?

– Я опечален.

Вскоре объявили посадку на рейс до Роттердама.

Сопровождавшие Марко двое неразговорчивых мужчин мягко, но решительно оттерли от него журналистов. Все устремились к самолету.

Через три часа самолет приземлился в Роттердаме. День был пасмурным, дул холодный ветер. Немногочисленные пассажиры московского рейса быстро рассосались кто куда, как будто их разнес по окрестностям аэропорта этот самый ветер.

До Гааги добирались на такси. Марко со своими людьми сел в одну машину, Бакерия с помощниками – в другую. Всю дорогу врачи молчали. Чувствовалось какое-то напряжение. Будущее объяснение с тюремными медиками и администрацией виделось им если и не бурным, то на повышенных тонах.

Когда вдали показались окраины Гааги, Бакерия набрал номер трибунала. Долго никто не подходил к телефону, и Бакерия даже засомневался, правильный ли ему дали номер. В конце концов он услышал голос секретарши на ресепшне. Бакерия попросил соединить его с начальником трибунала. Она осведомилась, кто звонит и по какому вопросу. Он ответил. Через какое-то время трубку взял человек, представившийся заместителем начальника. Он поздоровался довольно сухо и как бы нехотя назвал свое имя. От этого оно прозвучало невнятно и тут же забылось.

– Вам нет необходимости ехать сейчас к нам, – пояснил он. – Отправляйтесь в Институт судебной экспертизы – тело находится у них. – И назвал адрес.

– Вскрытие будет проходить там? – спросил Бакерия.

– Да, – подтвердил чиновник не очень уверенно.

– Ваш врач уже в институте?

– Зачем ему быть там? – вопросом на вопрос ответил чиновник.

– Чтобы прояснить кое-какие моменты.

– Какие моменты?

– О проводимом лечении.

Собеседник Бакерии сделал паузу.

– В сопроводительных документах все написано.

– Лучше бы ему там быть, – сказал Бакерия. – Где он сейчас?

– Не знаю, – ответил трибунальщик. – У нас восемьсот человек персонала, я не могу знать, что каждый из них делает сию минуту.

Последняя фраза предназначалась для того, чтобы показать, какой он большой и занятой человек. Бакерия хотел сказать, что у него самого дома в подчинении людей не меньше, чем у чиновника, однако же он нашел время приехать. Ведь это не дворник-иммигрант умер, а глава европейского государства, пусть и бывший. Однако потом он передумал спорить и нажал отбой. Что-то подсказывало ему, что главные сюрпризы еще впереди.

Так оно и оказалось. В Институте судебной экспертизы их провели в кабинет главврача. Главврач оказался ровесником Бакерии. Он был облачен в зеленый халат и зеленую шапочку, как бы демонстрируя, что они тут интенсивно работают и всякие там иностранные делегации их только отвлекают. Приветствия были сугубо деловыми, без тени радушия. Главврач лишь

заметил, что счастлив, что к нему прибыл такой признанный авторитет в медицине, как господин Бакерия.

– У нас мало времени, – прервал его Бакерия. – Может, начнем?

– Конечно, – кивнул тот, – сейчас.

Но вместо того чтобы встать и направиться к выходу, главврач взял трубку телефона и по-голландски отдал распоряжение секретарше. Через минуту в кабинет вошли три местных медика. Главврач представил их. Рук не пожимали, все ограничилось кивками. Медики уселись по другую сторону длинного стола для совещаний. Теперь с каждой стороны было по четыре человека, исключая Марко, который медиком не был. Главврач взял со стола компакт-диск, вставил в вертушку и нажал кнопку на пульте. Бакерия взглянул на него с удивлением.

– Что вы собираетесь делать? – спросил он.

Главврач сделал успокоительный жест. На большом плазменном экране, висевшем на противоположной стене кабинета, пошел «снег», потом появилась заставка института, а затем вдруг на жестяном столе возникло тело Слободана. Рядом со столом стояли два медика, что сидели сейчас напротив, у одного в руках был скальпель.

Бакерия все понял, и от возмущения кровь бросилась ему в голову. Он хотел сказать что-нибудь резкое, но с усилием сдержался. Марко, сидевший рядом с ним, напрягся, его пальцы сжали подлокотники кресла.

– Тебе незачем это видеть, – сказал ему Бакерия. – Подожди нас в машине.

Марко с посеревшим лицом встал и, стараясь не смотреть на экран, вышел из кабинета.

Бакерия повернулся к главврачу института:

– Остановите!

Тот изобразил на лице услужливое внимание и шелкнул пультом. Картинка замерла.

– Как это понимать? – спросил Бакерия, едва справившись с эмоциями.

– Мы уже произвели вскрытие, – ответил главврач, отводя взгляд.

– Почему не дождались нас?

– Чтобы посмертные изменения тела не помешали установить причину смерти. Вы же знаете, вскрытие по возможности положено производить как можно раньше.

– Вот именно – по возможности! – с нажимом произнес Бакерия.

– Ну да. Возможность была, и мы ею воспользовались.

– Ее не было!

– Да? Почему?

– Потому что мы еще не прибыли.

– Но мы не могли ждать так долго.

– Нет, вы вполне могли подождать. Дело касается сердца. На нем посмертные изменения сказываются не так быстро. Спешить было некуда.

– Это вы так полагаете. А у нас на этот счет есть своя точка зрения. Кроме того, мы уже произвели вскрытие. Мы не были уверены, что дело именно в сердце. Будем смотреть дальше?

Бакерия не ответил, и главврач опять нажал кнопку на пульте. Начался просмотр видеозаписи вскрытия. Бакерия, подавив раздражение вкупе с возмущением, сосредоточился на происходящем на экране.

По ходу фильма несколько раз делали остановки и обсуждали детали вскрытия. Бакерия не мог не признать, что, если судить только по записи, вскрытие было проведено грамотно и причина смерти установлена достоверно. Если, конечно, камера фиксировала то самое тело и то самое сердце.

Могло оказаться и так, что на экране им демонстрировали смонтированную запись. В Голливуде это называется «подмена кадра» – трюк, учитывающий особенности восприятия человека. Зрителю кажется, что он видит одно действие, показанное то крупно, то мелко, то

опять крупно. На самом же деле его дурачат самым беспардонным образом, монтируя вместе разрозненные фрагменты действия так, чтобы на экране оно воспринималось одним целым, да еще и придавая кускам красочности компьютерной обработкой.

Но то кино, там зритель готов обмануться и хочет быть обманутым. За это и деньги платит. Они же прилетел из Москвы не для того, чтобы посмотреть кино про вскрытие, а чтобы лично провести вскрытие. Бакерия мрачнел все больше.

Когда фильм закончился, главврач спросил:

– Ну, коллеги, вы удовлетворены увиденным?

– Нет, – сухо ответил Бакерия, а остальные согласно кивнули. – Я хотел бы провести повторное вскрытие.

– Повторное? – удивленно вскинул брови главврач.

– Да, для этого мы сюда вчетвером и прилетели. – Бакерия обвел жестом коллег. – Или вы считаете, что нам всем очень хотелось посмотреть... – он запнулся, подбирая подходящие слова, – ваше кино?

Лицо главврача приняло оскорбленное выражение.

– Это не кино, а видеозапись вскрытия. Она имеет статус официального документа!

– Разумеется, – кивнул Бакерия. – Но мы настаиваем на проведении своего вскрытия.

– Это невозможно! – резко ответил хозяин кабинета. – Вскрытие состоялось, тело приведено в порядок, и его можно забирать. Повторное вскрытие не допускается.

– Кем не допускается? – поинтересовался Бакерия.

– Нашими правилами.

– Так измените их. Мы – не рядовые гости и случай этот – не рядовой.

– Никаких изменений! – решительно запротестовал главврач. – Порядок один для всех.

– Тогда мы хотели бы провести наружный осмотр тела, – изменил тактику Бакерия.

– Для чего?

– Для осмотра. Это разрешается?

Лицо главврача застыло, как у человека, перешедшего в глухую оборону.

– Нет!

Бакерия был поражен:

– Нет? Но почему?

– Потому что в этом нет необходимости.

– Позвольте это уж нам решить, есть необходимость или нет, – отрезал Бакерия. – Мы ведь не просто так сюда летели.

Его собеседник покачал головой:

– Здесь решаю я.

«Власть показывает», – мысленно усмехнулся Бакерия, понимая, что такое поведение оппонента не может быть спонтанным. Все продумано и согласовано. Трибуналу не нужен скандал, и он не хочет допустить повторное вскрытие. Затем и тело передали в Институт судмедэкспертизы, чтобы избежать прямых контактов с российскими медиками.

– Присутствует ли здесь кто-нибудь от трибунала? – спросил Бакерия.

– Это я, – отозвался мужчина лет пятидесяти, слегка заторможенного вида, сидевший у противоположной стены.

– Вы – врач? – уточнил Бакерия.

– Нет, я патологоанатом.

– Вы принимали участие во вскрытии?

– Принимал. На заключении имеется моя подпись.

– Я хотел бы поговорить с врачом, который его лечил, – произнес Бакерия.

– Сегодня дежурит другой доктор.

– А где тот?

– Кажется, у него выходной.

– Вы его неправильно лечили и довели до смерти, – резко сказал Бакерия. – Это видно по записи вскрытия.

– Этот вопрос не ко мне, – запротестовал патологоанатом. – Я специалист в своей сфере.

– Вы это специально? – спросил Бакерия.

– Что? – не понял тот.

– Устроили все таким образом.

Мужчина неуверенно пожал плечами:

– Мое дело маленькое. Я отвечаю только за свою работу.

Бакерия очень ясно почувствовал, что все здесь держат круговую оборону. Что все они – заодно и против российских врачей.

– С ним просто все так совпало, – извиняющимся тоном заключил патологоанатом из трибунала. – Уверяю вас, что здесь нет никакого злого умысла.

– Совпало в вашу пользу, – констатировал Бакерия.

Тот ничего не ответил.

– Когда можно будет забрать тело? – спросил Бакерия.

Главврач пожал плечами:

– Хоть сейчас. Мы отдадим его родственникам.

Бакерия встал первым, и все поднялись следом.

– Что ж, – подвел он итог, – тогда нам больше нечего здесь делать.

Главврач протянул ему руку:

– Я понимаю ваше разочарование, коллега, но поймите и вы нас – таковы правила. Не мы их устанавливали.

– Да, – согласился Бакерия, сделав вид, что не заметил его руки, – устанавливали не вы. А до тех, кто установил, нам не добраться.

Главврач промолчал.

На улице к нему подошел Марко:

– Ну что там? Вы провели вскрытие?

– Нет, нам не дали.

– Не дали? – Глаза парня округлились от удивления. – Почему?

– Они сами сделали вскрытие еще до нашего приезда и сказали, что повторное вскрытие противоречит их правилам.

Марко несколько секунд осмысливал информацию.

– А если на вскрытии стану настаивать я?

– Думаю, что это не поможет. Даже не пробуйте.

– Я найду частного патологоанатома и попрошу его провести повторное вскрытие, – решительно заявил он.

– Здесь? – спросил Бакерия.

– Да.

– Не думаю, что вам разрешат.

– Но если все же разрешат, вы мне поможете?

– Не знаю. Если мы еще не улетим.

Бакерия сменил тему:

– Когда вы хотите забрать тело вашего отца?

– Как только куплю гроб, – ответил Марко.

– У них есть свой. Трибунал обеспечивает.

Марко презрительно скривился:

– Какая-нибудь дешевая поделка из лохматых досок? Пусть оставят его себе, на собственные похороны. Мой папа заслуживает самого лучшего.

- Где будут похороны? – спросил Бакерия.
- В Сербии, где же еще.
- Значит, вы отсюда напрямиком в Белград?
- Нет, только отправлю тело. Мне туда нельзя.
- Вскрытие можно произвести и там, – подсказал Бакерия.
- Точно! – обрадовался Марко. – Я поручу это своим людям.

У него зазвонил телефон. Видимо, разговор был очень важным. Он на минуту отнял трубку от уха, попрощался со всеми и показал жестом, чтобы его не ждали. Затем продолжил разговор.

В этот день Бакерия с помощниками побывали еще в трибунале, где пообщались с начальством, но увидеться с лечащим врачом Милосовича так и не смогли. У того оказался даже не выходной, а недельный отпуск, и он якобы улетел с семьей отдыхать.

Правда, ему удалось поговорить с охранником, который дежурил в ту ночь. Тот невнятно мямлил, отвечал обтекаемыми, лишенными информации фразами, из которых нельзя было понять, почему же никто не оказал заключенному помощь. Бакерия удивился, как таких лоботрясов берут на столь ответственную работу.

В Москву они вернулись ни с чем.

ГЛАВА V

СТРАННЫЙ КЛИЕНТ ПОХОРОННОГО БЮРО

В три часа пополудни в похоронное бюро Trustiness, одно из самых известных в Гааге, вошел посетитель. Одет он был в новый, довольно дорогой, но запыленный костюм. На вид ему было лет под тридцать. Тонкая ткань костюма не могла скрыть крепкого телосложения, а энергичная походка выдавала многолетнюю тренированность. Он производил впечатление сжатой пружины. Скуластое лицо и настороженный взгляд глубоко посаженных глаз только усиливали это впечатление. В облике его было что-то цыганское.

Окинув помещение пристальным взглядом, посетитель небрежно кивнул клерку, стоявшему за конторкой.

– А где тут у вас гробы? – громко спросил он на довольно правильном английском, хотя и с ощутимым акцентом.

Клерк, розовощекий лысоватый толстяк лет сорока, вышел из-за стойки и направился к нему. Он оказался на полголовы ниже посетителя, а костюм на нем был подешевле и не такой новый.

– Здравствуйте! – поздоровался он.

– Добрый день! – ответил посетитель и тут же спохватился. Какой же он добрый, если он пришел за гробом. – То есть, я хотел сказать, здравствуйте!

Клерк понимающе кивнул.

– Гробы в другом зале, – произнес он. – Желаете посмотреть?

– Желаю купить, – ответил мужчина. – Зачем бы еще я сюда пришел? Но прежде, конечно, нужно посмотреть.

Клерк поднял руку и сделал знак своему коллеге, который поправлял что-то в траурной драпировке в дальнем углу зала. Тот кивнул и неслышно занял его место за конторкой.

– Пойдемте, – сказал клерк, – я провожу вас. Вам нужен обычный экземпляр или эксклюзив?

– Обычный? – удивился клиент. – Что за чушь! Я хочу посмотреть самые лучшие.

Клерк окинул его быстрым оценивающим взглядом, прикидывая суммарную стоимость костюма, ботинок и часов. Осмотр его не вдохновил – на покупателя самых дорогих гробов посетитель не тянул.

Клерк вздохнул, как бы говоря тем самым, что он-то знает, что сейчас только зря потратит свое время, а покупка, если она будет, состоится в среднем ценовом сегменте. Но ничего не сказал и повел клиента за собой.

Зал, в который они вошли, оказался меньше первого. Зато в нем было гораздо больше скорби. Она исходила от расставленных под стенами гробов. Гробов было так много, что вместе со скорбью они внушали неподготовленному человеку мистический страх. Все гробы были полуоткрыты и сверкали белоснежной внутренней обивкой, напоминавшей морскую пену. Клиент с некоторой опаской провел пальцами по обивке одного из них, словно проверяя, мягко ли будет лежать там покойнику.

– Расскажите! – потребовал он.

– Что? – учтиво осведомился клерк.

– О каждом из них. Только коротко.

Клерк еще раз окинул его взглядом и состроил едва заметную пренебрежительную гримасу.

– Эта модель стоит тридцать тысяч долларов, – высокомерно сообщил он.

– Да? – удивился клиент. – Ну и что?

Клерк отыграл назад.

– Ничего, – сказал он, – просто так, для информации.

– Я ее усвоил, – сказал клиент, – продолжайте.

Клерк начал рассказывать, склонив голову и молитвенно сложив руки перед собой. По мере того как они продвигались в дальний угол зала, цены возрастали. Но и сложность моделей, оснащенных дополнительными устройствами, увеличивалась.

– Вот этот, – показал клерк на последнюю модель, – имеет встроенную стереосистему.

– Зачем? – удивился клиент, который, казалось, слушал его вполуха.

– Если покойный любил музыку, она будет звучать еще несколько дней в могиле.

Клиент задумался.

– Кажется, он не очень любил музыку. Хотя я точно не знаю.

– Не знаете? – удивился клерк.

– Ага! А что такого? Я ведь беру не себе.

– Я понимаю.

– Я хотел сказать, покойный мне не родственник.

– Вы друг семьи? – спросил клерк.

– Да, пожалуй, – согласился клиент. – Это все, что у вас есть?

– Имеются еще две эксклюзивные модели. Но они по пятьдесят тысяч долларов.

– Я хочу посмотреть.

Клерк провел его в боковую комнатку. Осмотрев сверхдорогие экземпляры, клиент сделал выбор:

– Я возьму гроб из массива ореха, который стоит в том зале.

– Тридцать тысяч долларов.

– Хорошо. Только замените в нем крепление крышки шурупами на крепление болтами.

Вот такими. – Он вытащил из кармана необычной формы болт с круглой головкой и углублением под отвертку в виде звездочки и протянул клерку.

Тот повертел его в руках и кивнул.

– Через два часа будет готово. Желаете еще что-нибудь? – спросил он. – Костюм, туфли, венки?

Клиент задумался.

– Костюм и туфли – да. Венков не нужно.

– Место на кладбище уже определено? – спросил клерк. – Мы можем устроить для вас со значительными скидками.

– Не нужно места, – отказался клиент.

– А как же?..

– Никак, – отрезал тот. – Это не ваше дело.

Клерк пожал плечами:

– Тогда вам осталось внести деньги.

Клиент достал из кармана толстую пачку долларов.

– Не мне, – сказал клерк, – в кассу.

– А где у вас касса?

– Слева от входа.

Держа пачку в руках, клиент пошел к кассе. Расплатившись и спрятав в карман квитанцию, он достал из кармана маленькую латунную табличку, на которой не было никаких букв, лишь затейливый орнамент.

– Укрепите ее на торце гроба, – велел он.

– С какой стороны?

– С головной.

– Хорошо. – Клерк положил табличку в карман. – Куда вам доставить изделие?

– Я заберу его сам.

Проводив странного клиента, клерк некоторое время смотрел ему вслед. Затем отправился в цех по доводке распорядиться насчет переделок гроба.

Через два часа приехали двое негров на грузовом микроавтобусе, предъявили квитанцию, забрали гроб и уехали. На всякий случай клерк записал номер микроавтобуса на клочке бумаги и сунул его под пластиковую накладку на своем рабочем столе.

ГЛАВА VI

ДРУГОЙ СТРАННЫЙ КЛИЕНТ ПОХОРОННОГО БЮРО

Под вечер в похоронное бюро Trustiness зашел другой покупатель. Был он несколько грузноватым и стриженным наголо, лет под сорок. Говорил он по-английски. Сверяясь с бумажкой, посетитель назвал модель гроба, которую хотел бы приобрести. Это был точно такой же гроб, какой купил другой иностранец несколькими часами ранее.

Клерк за конторкой стоял тот же самый. Он удивился и обрадовался одновременно. Такие дорогие модели обычно покупали один раз в месяц, а тут – две штуки в один день. Предчувствуя хорошие премиальные, он заглянул в компьютер, и лицо его приняло огорченное выражение.

– К сожалению, такой модели нет на складе, – сказал он. – Не хотите ли взять другую? У нас имеются не хуже и даже лучше за такую цену.

– Мне нужна именно эта, – ответил покупатель.

Клерк развел руками:

– Таких сейчас нет. Вам придется подождать до завтра.

Покупатель презрительно скривился:

– До завтра я уже куплю в другом месте.

Клерк с сомнением покачал головой:

– Не думаю, что они есть еще у кого-нибудь в городе.

Покупатель ему не поверил:

– Что вы говорите? В самом деле? Вот мы и проверим.

Он повернулся и не спеша направился к двери. Клерк не мог отпустить его просто так. Как и все работающие в похоронном бизнесе, он привык бороться за клиента до последнего и продолжать борьбу даже после того, как надежда заполучить его казалась уже безнадежно потерянной.

– Подождите! – окликнул он клиента. – Я могу узнать, где они точно есть, чтобы вам не искать напрасно.

Тот остановился и вернулся к конторке:

– Это было бы кстати.

Клерк набрал номер знакомого из похоронной фирмы в соседнем Роттердаме. Он знал, что они закупали гробы у того же производителя из Италии. Между ними существовала негласная договоренность о перенаправлении клиентов, если тем требовалось то, чего в данный момент в данном похоронном бюро не было. За дополнительную плату, разумеется.

Звонил он не с рабочего телефона, а с мобильного. Оглянувшись на нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу клиента, он отошел к окну и понизил голос. К счастью, знакомый в это время был на работе. Быстро выяснилось, что именно такой гроб в продаже имеется. Клерк попросил его придержать, оговорил свои комиссионные и нажал отбой.

Клиент смотрел на него вопросительно.

– Все в порядке, – улыбнулся ему клерк.

Он написал на листочке координаты роттердамского похоронного бюро и отдал клиенту. Тот отблагодарил его купюрой в пятьдесят долларов.

– Можно вопрос? – спросил клерк.

Клиент, уже собравшийся уходить, посмотрел на него с удивлением, но после секундной паузы кивнул:

– Валяйте.

– Зачем вам этот гроб? – выпалил клерк, чувствуя, что вопрос звучит по-дурацки и он нарушает сейчас неписанные правила похоронного бизнеса.

– Я набью его конфетами и отправлю детишкам на день рождения, – мрачно ответил посетитель, глядя ему в глаза.

От этого взгляда у клерка мороз пошел по спине. Он замер с полуоткрытым ртом. Клерк всегда считал, что черный юмор – привилегия работников похоронного бизнеса. Но вот и клиент выискался, готовый пошутить в том же духе. Не очень-то он походил на убитого горем родственника.

Совладав с замешательством, клерк натянуто улыбнулся:

– Смешно. У вас хорошее чувство юмора.

– Спасибо.

– А если серьезно?

– Чтобы положить туда покойника. А что, вы кладете туда живых? – Клиент смерил клерка взглядом, как бы прикидывая, как тот будет смотреться в гробу.

– Нет. – Клерк уже корил себя за длинный язык.

Он подумал, что если клиент пожалуется на его болтливость начальству, то его, пожалуй, и с работы могут уволить.

Клиент пошел к выходу. Клерк смотрел ему вслед. У него совсем вылетело из головы, что надо было бы спросить об участке на кладбище, организации похорон, костюме для покойника, венках и тому подобном. Он подумал также, что надо было бы на всякий случай записать номер машины посетителя, но не посмел выйти на улицу и посмотреть, на чем тот приехал. «Опасные люди, – подумал он об обоих покупателях, которые почему-то объединились в его сознании. – Их не видно, пока с ними не заговоришь. Но потом сразу понимаешь, с кем имеешь дело».

Некоторое время он колебался, не сообщить ли о странных типах в полицию, но в итоге отказался от этой мысли. Во-первых, сообщать было особенно нечего. Ну купил один очень дорогой гроб, не заказав при этом ни церемонии, ни атрибутов, ни места на кладбище. А другой хотел купить точно такой же и на другую модель не соглашался. Ну и что? Это не преступление.

А во-вторых, не стоило привлекать внимание полиции к похоронному бюро. Это не способствует нормальному функционированию бизнеса.

ГЛАВА VII

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ДУМЫ

Дума припомнила Гаагскому трибуналу все: и прежние смерти заключенных, в основном сербов, и необоснованные оправдания тех, кто противостоял сербам, и оскорбительный отказ отпустить Слободана на лечение в Москву. Не посмотрели даже на гарантии российского правительства о его возвращении обратно после излечения. России не поверили. И кто? Какой-то странный трибунал, созданный Совбезом ООН, не имевшим на это права, и какие-то третьестепенные чиновники ООН. Впрочем, все понимали, что решали конечно же не они.

В среду 15 марта Дума приняла постановление, призывавшее к роспуску трибунала:

«11 марта 2006 года в Гааге в тюрьме Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года (МТБЮ), скончался бывший Президент Союзной Республики Югославии Слободан Милосович, – говорилось в нем. – Депутаты Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации выражают искренние соболезнования родным и близким С. Милосовича.

Из жизни ушел яркий политик, пик деятельности которого совпал с наиболее трагическим периодом в истории этого государства. Оценка личности С. Милосовича и его роли в событиях на Балканах 1991–1999 годов, по убеждению депутатов Государственной думы, должна быть дана прежде всего теми народами, к судьбам которых он имел непосредственное отношение. Очевидно, что объективной и взвешенной такая оценка может быть лишь по прошествии времени.

Государственная дума, опираясь на мнение международного консилиума, неоднократно выражала обеспокоенность состоянием здоровья С. Милосовича и исходя из соображений гуманности обращалась к МТБЮ с призывом о временном приостановлении судебного процесса над ним. Российская Федерация была готова принять С. Милосовича на лечение и предоставить МТБЮ гарантии его возвращения в Гаагу.

Однако трибунал проигнорировал эти обращения, взяв на себя тем самым всю полноту ответственности за жизнь С. Милосовича. *В связи с этим необходимо в срочном порядке организовать проведение независимого международного расследования причин и обстоятельств смерти С.Милосовича. Причины его смерти, будь то халатность или злой умысел, должны быть названы, и виновные предстать перед судом.*

По мнению депутатов Государственной думы, МТБЮ так и не удалось реализовать идею своего создания. Принятые за все время существования трибунала решения отличает крайняя степень политизированности и предвзятости. Двойные стандарты стали нормой его работы.

Совершенно недопустимы факты грубейшего нарушения прав человека в гаагской тюрьме МТБЮ, выразившиеся, в частности, в неоказании квалифицированной медицинской помощи нуждающемуся в ней заключенному. Смерть С. Милосовича – не первый случай гибели заключенного – представителя бывшего сербского руководства. Немногим ранее этот печальный список пополнил лидер хорватских сербов Милан Бабич. Такая трагическая цепь событий находится в явном диссонансе со звучащими в Европе призывами к безусловному соблюдению прав человека и отказу от двойных стандартов, в том числе при осуществлении правосудия.

Государственная дума вновь заявляет о необходимости прекращения в кратчайшие сроки расследования всех находящихся в настоящее время в производстве МТБЮ дел в рамках так называемой стратегии завершения работы, утвержденной Советом Безопасности ООН, а также о нецелесообразности дальнейшей деятельности МТБЮ».

ГЛАВА VIII

МИРА СОБИРАЕТСЯ НА ПОХОРОНЫ

16 марта Мира, вдове Слободана, позвонил ее адвокат из Белграда. Он был юридическим советником не только у нее, но и у Слободана, когда тот еще был президентом.

– Ну, что там? – спросила она. – Он согласился на мой приезд?

Адвокат понял, что она имела в виду президента страны, и замешкался с ответом.

– Он сказал, пусть решает суд, – наконец произнес он.

– Не согласен, значит, – резюмировала Мира. – Ты сам с ним говорил?

Адвокат скептически хмыкнул:

– Я еще не достиг таких высот.

– Однако же со мной ты разговариваешь, – парировала Мира.

– Да, конечно, – поспешно согласился адвокат. – Но вы – совсем другое дело. Вы же знаете эти новые власти.

Мира знала их даже слишком хорошо. Да и немудрено, если вся политическая кухня разворачивалась прямо перед ее глазами.

Это был позор – фактическое похищение ее мужа и выдача его Гаагскому трибуналу. Выдать трибуналу бывшего национального лидера, да еще и вывезти его из страны! Тот случай, когда впоследствии забываются все причины, а помнится лишь одно – выдали. И от этого на душе у любого современника становится скверно, чтобы не сказать – мерзко. Национальных лидеров предавать не годится, чем бы это для страны ни обернулось. А обернулось все совсем плохо.

– А что говорят в суде? – спросила Мира.

– Бред несут! – не удержался адвокат. – У вас в аэропорту, если вы прилетите на похороны, собираются изъять паспорт.

– Зачем?

– Чтобы иметь гарантию, что после похорон вы явитесь на допрос, а не покинете страну.

– Вот как?!

Теперь, после смерти Слободана, она чувствовала себя совсем беззащитной.

Решение пришло неожиданно.

– Скажи им, что я согласна, – велела Мира.

Адвокат не поверил:

– Неужели вы хотите приехать?

– Да, хочу.

– Но зачем? – принялся он отговаривать. – Они вас больше не отпустят. Им нужны враги для показательного процесса. Из вас сделают причину всех зол в прошлом. Вы станете вторым Слободаном – половину из того, в чем обвиняли его, взвалят на вас.

– Я еду! – решительно прервала его Мира.

Адвокат замолчал. Он не мог понять, что она задумала, и ждал объяснений. Но объяснений не последовало. Мира редко объясняла свои действия даже Слободану, не говоря уже об остальных.

– Понимаю, – многозначительно сказал адвокат, хотя на самом деле не понимал ничего.

«Что он там понимает? – подумала Мира. – Не нужно ему ничего понимать. Важности на себя напускает, старый лис».

– Так и передай в суде, – повторила она, – я собираюсь приехать.

– Передам, – пообещал адвокат. – Однако я думаю, что это их не совсем удовлетворит.

– Почему? – удивилась Мира.

– Они хотят еще и залог. Пятнадцать тысяч евро.

Мира задумалась.

– Дай им! – велела она.

– Дать? – удивился адвокат.

– Да, именно, – подтвердила Мира. – А чему ты удивляешься?

– Всякое может быть, – уклончиво ответил сбитый с толку адвокат, все еще не веривший, что Мира действительно намерена приехать. – Рейс может опоздать, или вы заболаете. А может, передумаете.

– Но в суд-то я все равно приду, – спокойно возразила Мира.

– Лучше бы мне эти деньги достались, – пробормотал вполголоса адвокат.

– Что? – не поняла Мира.

– Так, ничего.

– Ты тоже свои получишь.

– Послушайте! – нерешительно произнес адвокат.

– Что?

– А не проще ли было бы похоронить его в Москве?

Мира вздрогнула:

– Нет, не проще.

– Почему?

– Его могила должна быть на родине.

– Но вы даже не сможете ее навещать.

– Это не твой вопрос, – отрезала Мира. – Делай так, как я велела.

Она нажала отбой. Пусть в суде думают, что она прилетит. Пусть в аэропорту ее ожидают. Пятнадцать тысяч – совсем небольшая цена за мистификацию, к которым она всегда питала склонность. А паспорт она потом пришлет им по почте. Старый югославский паспорт, который уже не имеет никакой юридической силы. С ним ни в одну страну не впустят и не выпустят. Сербский же она никогда и не получала. Власти иногда бывают удивительно глупы, когда не за что ухватиться. Посмотрели бы лучше по своим архивам, есть ли у нее паспорт, а потом уже и требовали.

ГЛАВА IX

ФИЛАТОВ ЛЕТИТ В БЕЛГРАД

17 марта Филатов вылетел в Белград. Он следил за событиями по новостям, надеясь, что бывшего сербского лидера похоронят все-таки в России и никуда ехать не придется. Но когда по телевизору показали, что его сын Марко получил тело отца в Гааге и отправил самолетом в Белград, стало ясно – лететь придется.

Он подивился иронии судьбы Слободана, которая устроила все так, что его жена и сын приехать проститься не могут, а он, чужой человек, – может. Случайно это вышло или преднамеренно, но на жену и сына Слободана на родине были заведены уголовные дела, и в случае приезда им грозил арест. Это обстоятельство играло на руку властям. Похороны в присутствии семьи, да еще если бы эта семья захотела выступить и обвинить власти Сербии в выдаче его трибуналу, могли перерасти в акт политического протеста.

Людей на пятничный дневной рейс до Белграда – один из двух, второй вылетал вечером – было немного. И в зале, и потом возле трапа Филатов все искал глазами Марко или Миру, но так их и не увидел. Он знал, что их и не будет, но все же было интересно – а вдруг проблема как-то разрешится и им позволят приехать?

Судя по их отсутствию, приехать не позволили. То есть приехать не возбранялось, но власти не дали гарантий безопасности и беспрепятственного возвращения обратно в Россию. Филатов на мгновение представил себя на их месте и ощутил бессилие человека перед государством, которое на него ополчилось.

Он летел бизнес-классом. Места по соседству заняли Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин, Константин Затулин, другие известные персоны. Все представители основных думских партий были в сборе. Он отметил большое количество корреспондентов центральных телеканалов и крупных газет. Был Андрей Колесник из «Коммерческого вестника». Они кивнули друг другу.

Основную массу пассажиров составляли сербы. Филатов попытался определить, кто из них летит на похороны Милосовича, а кто – по своим делам, и не смог. Наверное, в основном летели по своим делам. Сербь возвращались домой из Москвы, а русские летели в Сербию по работе.

Когда самолет набрал высоту и всем позволили отстегнуть ремни, стюардесса поставила для пассажиров фильм. Случайно так получилось или нет, но Филатов с удивлением узнал голливудский триллер «Загнанный» с Бенисио дель Торо в главной роли. «Неподходящее развлечение», – подумал он и стал ждать, что будет дальше.

Дель Торо играл в фильме бравого американского спецназовца, воевавшего против сербов в Косово и в итоге тронувшегося рассудком. При этом сербы только то и делали, что на фоне пожара расстреливали «мирных» мусульман, а актер крался ящерицей по стене, чтобы восстановить «справедливость».

Как попал антисербский фильм в самолет, совершающий рейсы в Белград, оставалось только догадываться. Возможно, самолет раньше летал в другие страны и фильм сохранился с того времени.

Когда киношный командир сербов спросил у своих подчиненных, сколько еще албанцев в деревне осталось в живых, настороженно молчавшие пассажиры в задних рядах не выдержали. Один из них встал, подошел к проводнице и что-то негромко, но довольно резко сказал ей по-сербски. Она кивнула, ушла за перегородку и поставила другой фильм. В микрофон извинилась за технические неполадки. Обстановка в салоне разрядилась.

Филатов оглянулся. Геннадий Зюганов разговаривал с Сергеем Бабуриным, а место рядом с Константином Затулиным пустовало. Он подумал, не подсесть ли к тому и не пооб-

щаться ли, но потом передумал. «Наговорюсь еще, – решил он, – будет время». И опять ошибся. Он не мог знать, что времени для общения с коллегами у него в Белграде почти не останется.

Новый фильм был неинтересным, и Филатов начал сочинять речь, которую завтра скажет на похоронах Слободана. Обычно речи слагались у него в голове сами собой по мере надобности, и Филатов никогда специально не готовился, но сейчас ему хотелось произнести слова прощания особенно проникновенно.

«Дорогой Слободан! – начал Филатов. – Пять лет назад, когда тебя вероломно, вопреки всем международным правилам и канонам, отдали в руки несправедливого и якобы международного суда в Гааге, созданного, по сути дела, для расправы, никто и представить себе не мог, что дело обернется таким образом».

Он задумался. В голове теснилось несколько фраз, и патетические интонации в них усиливались. Ему же хотелось избежать особого пафоса. Ведь он ехал не для того, чтобы призвать толпу на баррикады, а чтобы отдать дань памяти последнему герою Сербии времен балканской империи. Времена эти закончились, больше не вернутся, и будоражить народ было ни к чему. Он потянулся к портфелю за блокнотом и ручкой, но почувствовал, что его начало клонить в сон.

Он откинул спинку кресла, закрыл глаза, и вскоре сон сморил его. Это был странный самолетный сон, наполненный гулом двигателей и балансированием между дремой и бодрствованием.

Он слышал, как стюардессы начали разносить обед, но решил не просыпаться. Он не очень любил самолетные обеды и всегда пропускал их без сожаления, если хотелось спать. Это вызывало недоуменные взгляды соседей, обычно добросовестно съедавших все без остатка. Самолетная еда для Филатова была сродни еде в лесу на пикнике. Там тоже со свистом уходило то, на что дома и смотреть бы не стал.

Потом гул двигателей постепенно затих, и сон стал настоящим.

ГЛАВА X

РИТУАЛЬНЫЙ ЧУМ В КВАРТИРЕ

Сон Филатову приснился чудной, но в то же время подобающий случаю – о похоронах. К его изумлению, оказалось, что похороны происходят прямо в его московской квартире, которую он за ненадобностью, поскольку жил за городом, сдал нескольким представителям северных народов. И вот спустя какое-то время он приехал посмотреть, все ли в квартире в порядке.

– А, начальника! – радостно поприветствовал его открывший дверь квартирант. – Давай заходи! Похороны у нас!

Филатов с опаской вошел и огляделся. Народы за это время обжились и увеличились численно. То ли к ним подъехали родственники из тундры, то ли они общими стараниями улучшили демографическую ситуацию. Как бы там ни было, их стало заметно больше.

В каждой комнате стояло по чуму, а окна, несмотря на начало марта, были распахнуты настежь. Из самой большой комнаты доносилось нестройное хоровое пение и бой в бубны. Филатов остановился в проходе.

Несколько человек в комнате исполняли ритуальные пляски вокруг покойника, который лежал у чума, с ног до головы завернутый в шкуры. Филатову объяснили, что в этой пляске рассказывается о жизни усопшего и его свершениях – как он охотился на моржей, вступал в схватки с белыми медведями и добывал в море китов. По пляске выходило, что усопший при жизни был отчаянным малым, настоящим сорвиголовой. Сам он лежал неподвижно и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть ту хвалу, которую ему воздавали.

В конце церемонии покойника занесли в чум, затем зашили полог моржовыми жилами и сказали, что теперь он принадлежит духам. Собственно, он и сам уже дух.

Поминки были скромными – настойка из веселящих тундровых грибов и оранжевый китовый жир на закуску. Филатов отказался и от того, и от другого.

Потом оказалось, что всем пора на работу, и они ушли, оставив Филатова одного. Случайно или намеренно, они унесли с собой и свои, и его ключи. Филатов вдруг осознал, что оказался наедине с трупом, и ему стало неуютно, как в детстве, когда приходилось проходить вечером мимо кладбища.

Сгустились ранние весенние сумерки. Жуткий ритуальный чум темнел посреди комнаты, и Филатов не знал, что ему делать дальше. Уйти он не мог, потому что не хотел оставлять квартиру открытой. Но и оставаться здесь было невыносимо. Собственно, ему следовало сразу разогнать это северный шабаш, выставить жильцов из квартиры вместе с их мертвяком и отобрать ключи. Но врожденная деликатность помешала ему сделать это с самого начала, а потом было уже поздно. Он и предположить не мог, что они захотят похоронить усопшего прямо в квартире, а не унесут на кладбище.

Филатов пошел на кухню и нашел в холодильнике, заваленном кусками китового жира и юколой, бутылку своего виски, которая стояла там с того самого времени, как он сдал квартиру. Бутылка была в том же состоянии, в каком он ее забыл, – почти полной.

Оленеводы не стали пить непривычный для них напиток.

Филатов налил себе полстакана и залпом выпил. К нему вернулась обычная решительность. «Где там, они говорили, работают? – подумал он. – На комбинате овощных заморозок? Надо вызвонить начальника и попросить навести порядок». Он достал мобильный и стал набирать номер. Подсветка дисплея включилась лишь на секунду, затем появилась надпись, что батарея разряжена, и телефон отключился. «Черт бы тебя побрал!» – выругался Филатов.

Можно было воспользоваться стационарным телефоном, но он стоял за чумом в большой комнате и идти туда не хотелось. Филатов выглянул на площадку и прислушался. Из-за двух

соседских дверей не доносилось ни звука. Зачем-то стараясь ступать неслышно, он позвонил сначала одним соседям, потом другим. Ответа не последовало. Повторные звонки ничего не дали. Он вернулся в квартиру.

Делать было нечего, он направился к телефону за чумом. В квартире уже было совсем темно. Филатов щелкнул выключателем, но свет не зажегся. Ему показалось, что чум стал выше и больше в объеме. Да и сама комната увеличилась. Чум чернел перед ним, словно камчатская сопка правильной конической формы. Не отрывая от него взгляда, Филатов шаг за шагом продвигался к телефону, стараясь держаться у стены.

У соседей наверху в это время начали играть дети. От их топота и прыжков стала позвякивать люстра. Филатову хотелось прикрикнуть на них и сказать, что негоже так веселиться, когда рядом находится покойник. До них, конечно, не докричаться, но можно постучать по батарее. Впрочем, до батареи еще следовало добраться.

Вдруг, после особенно сильного прыжка наверху, ему показалось, что зашитый жилами полог чума слегка шевельнулся, как будто бы на него надавили изнутри. Сердце у Филатова упало. Он замер, чувствуя, как вдоль позвоночника струится холодный пот. Он ожидал, что сейчас полог распахнется, из чума выйдет покойник, бывший при жизни таким лихим парнем, и станет искать, где эти чертовы дети, которые мешают ему спать вечным сном.

Шли секунды, но ничего не происходило. Филатов, переведя дух, стал пробираться дальше. Телефон стоял на тумбочке у самого окна. Это был беспроводной аппарат на аккумуляторах. Филатов схватил трубку и кинулся на кухню. Только там чума еще не было, в остальных же трех комнатах его четырехкомнатной квартиры они тоже стояли, правда, не ритуальные, а жилые.

На кухне он опять налил себе полстакана виски, залпом осушил и набрал номер помощника. Гудки тянулись бесконечно долго и в конце концов начали напоминать SOS. К телефону никто не подошел. Филатов тщетно прождал добрых десять минут и нажал отбой. Кому еще позвонить, он не знал. Все номера, которых он раньше помнил великое множество, вылетели у него из головы. Там остались только 01, 02 и 03. Он знал, что какой-то из них принадлежит милиции, но и этого не мог вспомнить. Решил по очереди набрать каждый. Ни один из них не ответил. Звонить больше было некуда.

Филатов решил заночевать на кухне и дожждаться возвращения северных гастарбайтеров. Он раздвинул узенький кухонный диванчик и кое-как устроился на нем без подушки и одеяла, накрывшись пиджаком.

Ночью он слышал, как кто-то шаркающей походкой прошел в туалет, долго там сидел, напевая вполголоса заунывную северную песню, потом спустил воду и ушел. Он понимал, что это, наверное, кто-то из квартирантов вернулся с работы, но воображение нарисовало ему чум, полог которого кто-то изнутри зашивает моржовыми жилами.

Под утро в коридоре послышался шум множества шагов возвращающихся постояльцев. Он подумал, что пора наводить в квартире порядок, и проснулся.

ГЛАВА XI

ПРИЕМ В ПОСОЛЬСТВЕ

Через проход напротив мирно похрапывал Сергей Бабурин. Отгоняя остатки сна, Александр Филатов тряхнул головой и выглянул в иллюминатор. Самолет уже подлетал к Белграду. Внизу раскинулись реки Сава и Дунай, в месте слияния которых и располагался город. Стали видны красные черепичные крыши на окраинах, высотки в новых районах. «Какой сон тяжелый, – подумал Филатов. – К чему бы он? Вроде и не ел ничего в самолете».

Ему хотелось думать, что это обычный кошмар, из тех, за которыми ничего не следует. Виденная во сне квартира совсем не походила на его собственную, да и располагалась она совсем в другом месте. Свою квартиру он в жизни никому не сдавал и не собирался этого делать. У него просто не было такой необходимости. И уж конечно он никогда не сдал бы ее гастарбайтерам. Она и ему самому была нужна – он жил попеременно то в загородном доме, то в квартире.

В белградском аэропорту «Никола Тесла» их встретил микроавтобус из российского посольства. Опытный водитель быстро домчал их до столицы. Думскую делегацию разместили в гостинице «Москва» в центре города, журналистов – в гостинице «Интерконтиненталь».

Белградская гостиница «Москва» – это не московская гостиница «Белград» на Смоленской-Сенной площади, состоящая из двух стройных высоток. Белградская «Москва» намного скромнее и представляет собой всего лишь шестизэтажное здание постройки начала прошлого века с островерхой зеленой крышей и такими же островерхими зелеными башенками по краям.

Едва Филатов успел принять душ и побриться, как из российского посольства за ними прислали машину. Посол устраивал прием в честь прибытия думской делегации и по поводу скорбной даты. Филатову не очень хотелось на него ехать. Он рассчитывал погулять по городу, пообедать в одном из местных ресторанчиков, среди которых знал парочку очень неплохих, и поискать по магазинам дополнения для своей модели железной дороги. Из всех командировок он привозил для нее что-нибудь интересное: то новый вагон, то здание станции, то рельсы с развязками.

Но уклониться от приглашения было нельзя. Нехорошо, если остальные члены делегации будут рассказывать в Думе, что он проигнорировал такое важное мероприятие. Филатов вздохнул, сбросил гостиничный халат и принялся одеваться. У гостиницы их ждал все тот же микроавтобус, который привез из аэропорта, но водитель теперь был уже другой.

В посольском зале приемов вместе с ними собралось человек двадцать. Кроме посла с супругой и ключевых сотрудников, были представители Соцпартии, взявшей на себя организацию похорон, и несколько человек, которых никому не представили. Они походили то ли на бывших военных, то ли на работников органов – у них были цепкие взгляды, и они без конца фиксировали все передвижения вокруг себя, словно камеры слежения.

За столом Филатов оказался довольно далеко от посла, но зато близко к зампреду Социалистической партии Сербии, грузному лысоватому мужчине лет шестидесяти с мясистым лицом. Партию до самого дня своей смерти формально возглавлял Слободан, а фактически руководил ею зампред.

Зампред молчал, вяло ковырялся вилкой в своей тарелке и механично поднимал вместе со всеми рюмку. Было видно, что мыслями он находится далеко отсюда.

На другом конце стола, ближе к послу, гости обсуждали развал Югославии и то, как ему противостоял Слободан. Жалели, что Россия не вмешалась и не остановила этот процесс.

– России было не до того, – заметил Филатов, – у нее была Чечня. И еще Ельцин.

– Да, Ельцин, – повторил кто-то, и все скривились, словно отведав кислого яблока.

– Для того и Чечню затеяли, чтобы Россию отвлечь, – отозвался Бабурин. Филатов сделал протестующий жест:

– Не думаю.

– А что тут думать? Так оно и есть, – настаивал Бабурин.

– Слишком уж масштабный отвлекающий маневр, – сказал Филатов.

– У них все масштабно, – заметил Бабурин. – По мелочам эти ребята не работают.

Филатов не стал продолжать спор. Тема виделась ему бесконечной, одной из тех, которые можно обсуждать с вечера до утра, а в итоге каждый останется при своем мнении.

Разговор тем временем мало-помалу приобретал патетическую направленность.

– Давайте выпьем за Сербию! – предложил посол. – За то, чтобы она пережила трудные времена и опять стала центром притяжения всех народов на Балканах.

Выпили за Сербию. Потом по предложению Зюганова и Бабурина пили за Россию, за дружбу России и Сербии, за славянское братство, за победу общего дела.

Филатов поморщился. Он не понимал, какое общее дело может быть у России и Сербии, между которыми расположено столько стран и границ. Прямо советский сабантуй какой-то начался. Того и гляди, начнут пить за мир во всем мире и сыр во всем сыре. Ему вспомнилось, как в далеком уже детстве один из одноклассников, посмотрев на лозунг «Миру – мир», который в то время развешивали повсеместно, задумчиво продолжил его:

– Сыру – сыр.

– При чем тут сыр? – не понял Филатов.

– Ну если мир мы встречаем миром, то сыр должны встречать сыром, – пояснил тот. – Рифма та же и вообще красиво.

Получалось бессмысленно, но смешно. Филатов улыбнулся своим воспоминаниям.

Общие цели у России с Сербией могли бы быть, если бы в девяносто девятом ее приняли в союз России и Белоруссии. Но Ельцин тогда заблокировал это решение, хотя Дума поддержала почти единогласно. Решение было опасным – Сербии могла понадобиться военная помощь в преддверии конфликта с НАТО. Но это, по мнению Филатова, было лишь отговоркой. Можно было обойтись влиянием России в Совете Безопасности ООН и в других политических структурах. Ельцин и сам потом это понял, отдав приказ миротворческому батальону занять летное поле аэропорта в Приштине. Да что толку? Было уже поздно. Россия проиграла Балканы по всем статьям.

Неожиданно зампред Соцпартии первым нарушил молчание.

– Вы приехали как делегация Думы? – спросил он у Филатова.

– Нет. Каждый из нас представляет свою партию.

На лице собеседника отразилось разочарование.

– Но это практически одно и то же, – поспешил утешить его Филатов.

– Не совсем, – горько вздохнул зампред. – Даже российский парламент не прислал делегации. И от других стран нет ни делегаций, ни руководителей. Наши власти не разрешили нам провести государственные похороны. А ведь Слободан их заслуживал.

– Я разделяю ваши чувства, – сказал Филатов.

Он вспомнил похороны Тито. Он был тогда, кажется, школьником, но хорошо помнил, что на похороны руководителя Югославии прилетело множество глав государств со всего мира. От Советского Союза полетел министр иностранных дел Громыко. Это Филатова тогда удивило.

– Мы же с Югославией вроде не в очень хороших отношениях, – спросил он у отца. – Почему туда отправилась наша делегация?

– Потому что умер глава государства, так положено, – ответил отец.

Теперь тоже умер глава государства, пусть и бывший. Случилось это при загадочных обстоятельствах в тюрьме другого государства. Вину его доказать не смогли, обвинения рассыпались. Но никто из глав других государств на похороны не спешил. Странно все это.

Объявили перерыв, гости потянулись на перекур. Все разбились на группки, которыми сидели за столом, и продолжали прерванное общение. Филатов охотно поговорил бы сейчас с послом, но в приватном порядке, с глазу на глаз. Как назло, возле того стояли Зюганов и Бабурин и уходить не собирались. Филатов был более чем уверен, что разговор они затеяли бесполезный, просто в очередной раз повторяли общеизвестные вещи. По лицу посла он видел, что тому в тягость слушать подвыпивших гостей, но чувство такта не давало ему уклониться от беседы.

Филатов движением глаз показал послу, что желает с ним переговорить. Тот не заметил или же сделал вид, что не заметил. Филатов удивился. В прежние его приезды в Белград посол всегда охотно шел на контакты. Он знал посла еще по учебе в МГИМО. Правда, тот был на несколько курсов старше. Он уже заканчивал институт, когда Филатов только поступил на первый курс.

Филатов огляделся. Зампред Соцпартии стоял в стороне вместе со своим помощником. Вид у обоих был мрачный. Похоже, они действительно глубоко переживали кончину своего лидера.

У помощника зазвонил телефон, он поднес трубку к уху, несколько секунд слушал с озабоченным выражением лица, а потом начал отдавать отрывистые распоряжения. То, что это были именно распоряжения, Филатов понял по жестам его правой руки. После каждой фразы тот рубил воздух перед собой, как бы усиливая сказанное, хотя его слова звучали и так достаточно энергично. При желании Филатов мог бы понять, о чем тот говорит, если бы стоял ближе. Он неплохо освоил сербский язык в свои прежние приезды в Белград.

Помощник закончил разговор и что-то сказал своему боссу. Тот кивнул. Помощник быстрыми шагами удалился. Филатов решил, что настал удобный момент для приватной беседы, и подошел к зампреду с целью получить как можно больше информации из первых уст.

– Жаль, что все так получилось, – сказал Филатов, приблизившись. – Я вам сочувствую.

Зампред глубоко затянулся сигаретой и посмотрел себе под ноги, высоко подняв плечи. Ни дать ни взять большая нахохлившаяся птица.

– А от чего все-таки он умер? – спросил Филатов. Зампред поднял голову:

– Официально – от сердечного приступа.

– А неофициально?

– Кто же его знает? Он в последнее время плохо выглядел.

Филатов кивнул. Он тоже отмечал, как сдал Слободан в трибунале.

– Вы с ним часто разговаривали? – спросил Филатов.

– Очень редко. Они даже в звонках его ограничивали.

– Он жаловался на здоровье?

– Мне – никогда. Мы говорили только о партийных делах.

Филатова вдруг осенило.

– Послушайте! – предложил он. – А ведь мы можем установить точную причину смерти Слободана.

Зампред уставился на него немного диковатым взглядом.

– Мы? – переспросил он. – И каким же образом?

– Ну, пусть вы, – поправил себя Филатов. – Это не имеет значения. Можно провести повторное вскрытие. Ведь похороны только завтра в двенадцать. У нас впереди целая ночь. А квалифицированный патологоанатом делает вскрытие за один час или даже быстрее.

Зампред от неожиданности поперхнулся дымом и закашлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.